

11 ноября исполняется 160 лет со дня рождения Федора Михайловича Достоевского. По решению ЮНЕСКО, нынешний, 1981 год объявлен годом Достоевского. Весь мир приносит дань уважения имени великого русского писателя.

Уже первое произведение Достоевского — повесть «Бедные люди» (1845 г.) — сразу выдвинуло автора в ряд признанных писателей гоголевского направления. В восторженном отзыве В. Г. Белинского было сказано, что молодой писатель впервые в русской литературе нарисовал судьбу «маленького человека» как социальную трагедию, а в бесправной и забитой личности открыл глубокую человечность.

Трудной была личная и творческая судьба писателя. Физические и моральные страдания, почти десять лет каторги и солдатчины в Сибири не убили в Достоевском жизнелюбия и веры в человека, обострили его восприимчивость к человеческим страданиям, усилили напряженные поиски социальной справедливости. В 60-е — 70-е годы прошлого века Достоевский создал свои гениальные романы, ставшие важной вехой в истории русской и мировой литературы: «Преступление и наказание», «Идиот», «Подросток» и «Братья Карамазовы». Достоевский обогатил жанр реалистического романа XIX века новыми художественными открытиями. Он сочетал в себе как художник силу гениального психолога, интеллектуальную глубину мыслителя и страстность публициста. Его произведения вошли в сокровищницу мировой культуры.

ЕГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ — ЭТО ЦЕЛЫЙ МИР

Произведения Ф. М. Достоевского — это целый мир с множеством персонажей, мир, где сталкиваются силы добра и зла, мир зримый, выпуклый, контрастный. Сделать видимыми черты героев Достоевского — эта нелегкая задача привлекала многих интеллигентных художников, бравшихся иллюстрировать его книги. Среди них — народный художник СССР, лауреат Государственной премии СССР Виталий Николаевич Горяев. Он иллюстрировал одно из сложнейших произведений Достоевского — роман «Идиот», причем иллюстрация к этой книге были отмечены Большой золотой медалью на международной выставке «Искусство книги» в Лейпциге. Сейчас в мастерской художника можно увидеть новые рисунки — иллюстрации к роману «Подросток». Мы беседуем с художником о том, как он пришел к Достоевскому.

— Достоевский — один из любимейших моих писателей, подлинный гений литературы, — говорит Горяев. — Мой путь к нему был довольно долгим, и началось все с другого любимого мной писателя — с Гоголя. Проработав много лет в «Крокодиле», я решил, что со стюкарами, допьянками и прочими подобными персонажами лучше бороться в соседстве с классиком, чем одному. Может, это и для современности будет лучше. Оформил «Петербургские повести» Гоголя. А потом уже обратился к Достоевскому. Переход вроде бы прямой, если вспомнить высказывание Достоевского: «Все мы вышли из гоголевской «Шинели»». Но Достоевский — он другой. С одной стороны, он пишет подробно, внедряется в психологию, с другой — как бы спрашивает у читателя окончательное мнение по поводу происходящих событий. Читатель должен активно включиться в решение тех проблем, которые волнуют автора, писатель не навязывает собственных выводов. Это меня привлекло и создало дополнительные трудности, а трудности для меня — стимул, удивление необычным — тоже стимул для творчества.

Главной трудностью оказалось само представление о героях Достоевского. Они у него меняются, деформируются, превращаются порой в свою противоположность. Это обусловило особые композиционные и творческие задачи, которые я решал, приступая к работе над «Идиотом». Работа заставила меня отойти от любимых мной ра-

курсов, к которым я охотно прибегал, иллюстрируя Гоголя, ракурсов, позволяющих передать стремительное движение.

Персонажи Достоевского, почти как в театре, устанавливаются к нам лицом, разговаривая друг с другом и одновременно разговаривая с нами. Впервые я прибегнул к разворотной иллюстрации. Преследовал этим две цели: во-первых, попытаться вместить всех персонажей нужной сцены. Во-вторых, развороты мне понадобились, чтобы заставить читателя делать остановки в чтении. Достоевского читать трудно. Его нужно читать по несколько раз. Я старался делать разворотные иллюстрации как большую остановку в книге, чтобы читатель, дойдя до иллюстрации, посмотрел на нее и подумал: а я ведь что-то не дочитал, что-то недопонял! Чтобы ему захотелось вернуться обратно. Художнику, на мой взгляд, нужно обо всем этом думать, в какой-то степени даже учить читать книгу, заботиться о том, как ее прочтут. Если я делаю, предложим, Марка Твена или Юрия Олешу, то я боюсь остановки, боюсь сделать странную иллюстрацию. В Достоевском такие остановки необходимы.

— Можно ли говорить о том, что стиль Достоевского писателя близок Горяеву-художнику?

— Безусловно. У художников есть свое определение стиля, может быть, несколько отвлеченное. Это отношение предмета к пространству. Понятие предмета понимается в данном случае широко — это может быть человек, в применении к литературе — герой произведения, главный персонаж. Важно отношение его к пространству, определение самого пространства. Какое оно? Стремительное, движущееся вместе с героем или сопротивляющееся? У Достоевского пространство сопротивляющееся. Вспомним эпизод в «Идиоте», когда Мышкин идет на Петроградскую сторону через мост, и все ему мешает, ему трудно перейти. Препграда за препрадой, масса препятствий. Он идет через сопротивляющуюся среду. Отсюда неуверенная походка, весь его облик. Такого рода отношение предмета и среды есть основной стилистический признак. Мне близок этот стиль, я узнаю свой способ видения, это мое. Так же близок мне Гоголь. Пространство у них символическое. Этим писателям нельзя раскрашивать.

А вот Толстого — замечательного писателя — иллю-

стрировать я бы не мог. Не мой способ видения. Чехова люблю, но иллюстрировать его не хочется. А Салтыков-Щедрин, Лесков — хочется. Руки еще не дошли.

— Тогда вопрос о том, до чего у вас уже «дошли руки». Почему вы решили обратиться именно к «Подростку»?

— Почему «Подросток»? Мне кажется, тема этого романа всегда современна, хотя он и написан более ста лет назад. По словам самого писателя, это книга о юноше, который «ищет руководящую нить поведения, добра и зла...» Очень интересны стилистические особенности романа. Автор ведет рассказ от имени самого подростка. Подростка, сомневающегося во всем. Доверчивого и от доверчивости своей подозрительно, потому что он все время обманывается. Настолько сильны колебания жизненной линии героя, настолько глубоки его падения, что мне эта книга представляется не горизонтальной, а вертикальной: ее надо было бы листать сверху вниз, потому что перед нами разворачивается картина падения. Падения наивного человека с прекрасными желаниями...

Эта книга важна для меня, семидесятилетнего, еще и потому, что живут рядом мои дети и дети моих друзей, и наши внуки со своими страстями. И они тоже ищут «руководящую нить», тоже сталкиваются с добром и злом. Поэтому роман мне кажется живым, неустаревшим. Иллюстрируя «Подростка», я стараюсь не увлекаться антуражем того времени, чтобы легче было представить героя среди нас. Книга пронизана беспокойством о будущем молодого человека, и это беспокойство не может оставить нас равнодушными...

Виталий Николаевич показывает мне две толстые тетради, в которых записи, относящиеся к периоду работы над «Подростком». Эти краткие заметки как бы приоткрывают дверь в творческую лабораторию художника, позволяют увидеть, как работает его мысль, как складываются взаимоотношения художника и персонажей романа. Вот несколько фрагментов из этих тетрадей.

«Следует совмещать разновременное. Этовольность, но она должна импонировать автору — ведь художник способен сжать в еще больший комок временное событие, чем это смог бы сделать автор. Достоевскому это должно было бы понравиться».

«Роман «Подросток» пишется от лица основного ге-

роя. Характеристика других героев вытекает из заблуждений подростка... Он часто делает ложные выводы. Иллюстратор должен остерегаться следовать определению характера за героем повествования. В этом главная сложность книги. Читатель сам должен сомневаться в той или иной характеристике вместе с автором. Правильно при этом делать акцент на действии, как бы скользить, сохраняя в портретах некоторую неопределенность».

«Меньше делать ненужных предметов. В то же время отдельные предметы могут быть символами».

«Много говорят об идее раздвоенности. Идея раздвоенности ни к чему, если не верить в хорошее. В победу добра в конечном счете, в то же время доверив доведение этой борьбы до конца тебе, читатель! Подражатели Достоевскому остаются поверхностными стилизаторами, а литература и искусство их — мрачными и человеконенавистническими, когда они не понимают этой конечной цели. Таковы в изобразительном искусстве сюрреалисты. Найти человека в человеке — это значит найти хорошего человека».

Мы снова возвращаемся к теме влияния Достоевского на современников и на последующие поколения. Горяев говорит:

— Творчество Достоевского наложило отпечаток и на современное ему поколение, и на всю литературу в целом. Томас Манн, например, или Фолкнер — они как художники формировались под влиянием творческих идей Достоевского. Вижу я это влияние и в изобразительном искусстве. Например, в творчестве великого художника Пикассо. Например, в «Гернике» среди накалиленного черного пространства — женщина с лампой — как символ надежды, пусть крохотной, которая не покидает человека и человечество в целом. Вера в добро! Я вижу, что Пикассо — добрый человек. Это высшая доброта художника, которая не позволяет ему лгать, обманывать людей, он всегда и во всем стремится увидеть прекрасное, разделить с людьми их надежду.

Таков и мой любимый Достоевский.

Беседу вел
А. ЮРИКОВ.

● «Ф. М. Достоевский». Работа Н. Гусева (1881 г.) по фотографии М. Панова (1880 г.).

[Из фондов Музея-квартиры Ф. М. Достоевского в Москве].